

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

ПО ДИКИМ ОКРЕСТНОСТЯМ ИЕРУСАЛИМА

ПОБИСК

Он командовал взводом разведки,
вольнодумничал в госпиталях,
и Победу, что было нередким,
встретил в бериевских лагерях.

Но воюя, лечась и бунтуя,
в диалектику был погружён,
постигая науку святую,
проживая без денег и жён.

Мы дружили — не то, чтобы близко,
но общались не год и не два.
И высокое имя Побиска
он мне сам разложил на слова.

Поколение Октябрьской эры,
небывалой эпохи Бойцы
и Строители плоти и веры
Коммунизма, как звали отцы.

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 году в семье офицера-фронтовика. Окончил Военно-инженерную академию имени Дзержинского. Полковник запаса. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве и тверской деревне Бирюльки.

Вот что имя побуквенно значит.
А ещё я единственный раз
вдруг увидел, как горько он плачет:
— Слушай, Витька, ведь предали нас...

В ШУЕ

И вот опять я в городе своём
с любовью позабытою вдвоём,
со старостью своей наедине,
с виною, что не утопить в вине.

В провинции рождённые, в Москву
мы уезжали гордо наяву —
на службу, на работу, в институт,
и оказались вдруг ни там, ни тут.

Русополиты, граждане страны,
ни тут, ни там мы нынче не нужны.
Гуляет оголтелая Москва,
бормочет Шуя горькие слова.

ПО ДИКИМ ОКРЕСТНОСТЯМ ИЕРУСАЛИМА

Оставив навек галилейские страны,
пройдя по долине реки Иордана,
расплакался вдруг на ходу
в глухом Гефсиманском саду.

А ученики не предвидели казни,
хотя и носили мечи — из боязни
воров и разбойных людей,
как, впрочем, любой иудей.

По диким окрестностям Иерусалима
пути Его были неисповедимы,
но все на Голгофу вели —
и прочь с этой страшной Земли.

БАРД

Какие глупые слова
и пошлые мотивы!
Растёт, как сорная трава,
искусство примитива.

Не классика, не авангард,
не джаз и не блатнуха.
Бормочет песню юный бард
без голоса и слуха.

Подобный стиль зовется “рэп”
(иль что-то в духе этом),
чтоб сочинить сей ширпотреб,
не надо быть поэтом.

Но надо потерять страну
и веру вместе с нею.
А как я барду их верну?
Я сам их не имею.

ВЕРНОСТЬ

Он всем надоел. Он спивался.
Он даже не пел, он орал,
выписывал пьяные галсы
и дикое что-то играл
на старом дырявом баяне,
висевшем на тощей груди,
блуждая деревней по пьяни,
не видя ни зги впереди.

Смертельный исполнивши номер,
притихнув, но не протрезвев,
он прошлую осенью помер,
прервав безысходный распев.

И мы его похоронили,
затем помянули слегка:
пускай мы его не любили,
а всё-таки жаль дурака.

Прошло чуть поменьше года,
и вдруг в деревенских садах
внезапно явила природа
сверхщедость в осенних плодах.

Ломая и ветви, и сучья,
и даже стволы иногда,
плоды понависли, как тучи,
как гроздья румяного льда.

И лишь под соседским окошком
на яблоне лучшей его,
всегда плодовой, как кошка,
не выросло вдруг ничего.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Незримо битва происходит
среди всемирной суеты.
И разводящие разводят
перед святынями посты.

“Стой, кто идёт?” Идут потомки,
грядут пустые времена,
круша античные обломки,
божественные письма.

Мы на посту, мы часовые,
и нам приказано с небес
стрелять в идущих — пусть живые,
пускай с душою или без.

Но это правнуки и внуки,
и даже сыновья подчас
под предводительством науки
идут воинственно на нас.

Для них святыни — лишь преграда
на неизведанном пути,
который до конца, до ада
им в жизни выпало пройти.

ИСХОД

Какой туман сегодня на полях
над новгородской древнею пятиной!
И даже птиц не видно в тополях —
последних деревенских исполинах.

И лишь сырое карканье ворон
с околицы доносится уныло.
Ползут туманы с четырёх сторон,
как сорняки на свежие могилы.

Повсюду смерть и отзвуки её,
и красота ухода и забвенья.
Но где-то там, в тумане, — бытиё,
родившееся в это же мгновенье.